

Круг общения Александра Константиновича Глазунова в Гатчине

В сорока километрах южнее Санкт-Петербурга находится город Гатчина, известный большинству как бывшая резиденция русских царей.

В 1783 году Екатерина II купила Гатчинскую мызу у графа Орлова и подарила сыну престолонаследнику Павлу Петровичу в честь рождения первой дочери Александры. И жил Павел гатчинским затворником, пока императором не стал. Но и тогда любимого места не оставил, царская семья приезжала в Гатчину в начале августа и оставалась порою до декабря.

После убийства императора Гатчина опустела: лишь вдовствующая императрица изредка приезжала сюда.

Николай I, став императором, выбрал Гатчину местом проведения военных маневров. Семья императора — жена Александра Федоровна и семеро детей — приезжала в Гатчину как на каникулы. Балы, охота, любительские спектакли... Но не только развлечениями были заполнены дни: Николай вместе с дочерьми посещал расположенные неподалеку Сиротский институт и богадельню; воспитанников института иногда приглашали во дворец и угощали конфетами и фруктами.

Следующий император, Александр II, будучи страстным охотником, перевел в Гатчину царскую охоту: в окрестных лесах тогда водились олени, волки, зайцы, всякая птица и даже... зубры.

Семья Александра III проводила в Гатчине почти весь год. Зимой лепили огромного «снежного болвана», катались на коньках — особенно отличалась императрица Мария Федоровна. По весне, к Вербному воскресенью, сажали вербы. Летом катались всей семьей на лодках и велосипедах, охотились, ловили

рыбу. Императрица и великие княжны Ксения и Ольга были большими любительницами рыбалки. О житье-бытье предпоследнего российского императора сохранилось множество свидетельств, включая фотографии царских покоев, сделанные перед Великой Отечественной: после 1917 года все стояло нетронутое. Родители и дети в разлуке скучали и писали друг другу письма. «Погода у нас прелестная; жить в Гатчине блаженство; жаль только, что вас нет», — это писал цесаревич родителям.

Несмотря на то, что с тех пор прошло уже более ста лет и многое изменилось, можно вполне согласиться: жить в Гатчине — блаженство! Гуляя по здешним улицам, испытываешь умиротворение и прилив мыслей. Гатчинские парки прекрасны и загадочны, их природа вызывает вдохновение у творческих натур. И неудивительно, что Гатчина ныне — культурный центр ленинградской области. Таковой она была и ранее, во времена, когда жил и бывал в Гатчине композитор и директор Санкт-Петербургской консерватории Александр Константинович Глазунов.

А бывать в Гатчине он начал еще в 1880–1890-х годах, у жившего здесь постоянно в летние месяцы М. А. Балакирева. Об этом есть упоминания в письмах В. В. Стасова и Н. А. Римского-Корсакова. Также известно, что на протяжении нескольких лет (1922–1926), не имевший больше возможности проводить летние месяцы на своей любимой даче в Озерках, Александр Константинович отдыхал в Гатчине, где ему предоставлялось помещение в квартирах, сдававшихся под дачи в кухонном каре гатчинского дворца. Дело здесь в том, что директором Гатчинского дворца в то время (1918–1928) был Владимир

Кузьмич Макаров, которого с Глазуновым связывали дружеские отношения. Об этом может свидетельствовать следующий факт. В июле 1926 года Глазунов преподнес в дар клавир своего одноактного балета «Барышня-служанка», созданного в 1899 году, со следующей надписью: «Дорогому, радушному хозяину Владимиру Кузьмичу Макарову на добрую память от душевно преданного ему и признательного гостя А. Глазунова, автора произведения, сочиненного в стиле, близком к эпохе создания Гатчинского дворца.

Гатчина, 15/28 июля 1926 г.»

В том же 1926 году Глазуновым в Гатчине были написаны два фортепианных произведения: «Идиллия» и Прелюдия и fuga ми минор.

Кроме перечисленных фактов, в газете «Гатчинская правда», за 10 августа 1965 года, есть заметка, в которой жительница Гатчины О. Верёвкина рассказывает: «Летом 1921 года Александр Константинович приезжал на дачу к пианистке Анне Алексеевне Луговой, с семьей которой он дружил. А жил Глазунов в доме № 6 по Госпитальной улице (ныне Киргетова), где проживала моя семья. В этом доме Глазунов написал один из своих вальсов. Александр Константинович бывал в Гатчине неоднократно. Дом, где композитор жил, не сохранился, он был разрушен во время войны».

Кстати, в 1896 году по соседству, в доме № 4, по той же улице, которая в то время носила название Мариинская, жил композитор и будущий приглашенный Глазуновым в 1910 году профессор Петербургской консерватории и староста консерваторской церкви в 1919–1922 гг. Сергей Михайлович Ляпунов. Александр Константинович был дружен с Ляпуновым, но в Гатчине они, скорее всего, не встречались. Также Глазунов был знаком с гатчинским музыкантом Сергеем Александровичем Зайцевым (1824–1896), учителем пения и музыки в Гатчинском сиротском институте и Гатчинской учительской семинарии. В 1868 году Зайцев купил в Гатчине землю с небольшим деревянным домом на углу Фабричного переулка и Бомбардирской улицы (ныне Горького), дом № 13. Этот участок был

смежным с Суконной фабрикой. Через десять лет С. А. Зайцев построил более просторный дом по проекту архитектора Л. Ф. Шперера. В этом доме в 1880–1896 гг. собирались музыканты Г. Я. Ломакин, М. А. Балакирев, К. К. Альбрехт, М. М. Ипполитов-Иванов, А. К. Глазунов, Н. А. Римский-Корсаков, художник В. М. Максимов, написавший портрет С. А. Зайцева, педагог Острогорский, автор хрестоматии «Живое слово», археолог Н. И. Веселовский и другие.

К 20-м годам Гатчина стал своеобразным центром, исключительно высокий тонус которого создавался представлявшей разные виды искусства интеллигенцией, объединенной идеей сохранения культурного прошлого. Лидером этого движения в 1920-е годы выступил художник и историк искусства Александр Николаевич Бенуа, назначенный Советом музеев Наркомпроса в том же, что и Макаров, 1918 году заведующим картинной галереей Эрмитажа. Не ограничиваясь рамками должности, Бенуа важнейшую свою задачу видел в мобилизации сил по превращению исторических памятников — дворцов в окрестностях Петербурга — в музейные ценности. Страстным пафосом дышит его выступление на одной из конференций 1923 года, посвященных этому вопросу, где он говорит о судьбе дворцов Царского села, Павловска, Гатчины, Ораниенбаума и Петергофа и поименно называет тех, кто взял на себя трудные обязанности возглавить на местах охранительные аппараты этих дворцов, превратившихся в музеи и оказался на высоте поставленной задачи. Одним из первых в этом списке значится имя В. К. Макарова.

В воспоминаниях дочери Макарова, Веры Владимировны Добровольской, Бенуа предстает как своеобразный эпицентр, душа гатчинского сообщества. Будучи другом ее отца, он принимал деятельное участие в создании новых экспозиций, в превращении дворца в научный центр. «Итак, мы жили в Гатчине, — пишет В. В. Добровольская, — Туда постоянно приезжали сотрудники Русского музея и Эрмитажа, музыканты, ученые, художники. Там бывали Глазунов, семья Лозинских, академик Иоффе <...> архитектор Лансере и его

знаменитая сестра художница Зинаида Евгеньевна Серебрякова. Ее дочь Екатерина Борисовна (Катя — ей в 1924 году было десять лет) рисовала рядом с матерью или служила ей моделью... По берегу Белого озера любил прогуливаться композитор А. К. Глазунов. На его плече при этом гордо восседал любимый кот Мигузан».

Именно в Гатчине отмечались дни рождения Глазунова (29 июля/10 августа), которые в юбилейный сезон 1925/26 года (60-летие со дня рождения и 20-летие директорства) проходили с особым размахом. Одно из таких чествований М. О. Штейнберг в своих записях назвал «большим фестивалем» со съездом на «грандиозный обед» гостей, среди которых присутствовали «английский консул м-р Престок со своим секретарем, молодой американский доктор, Лавров, Николаев, Спенглер, Григорьев ... заведующий дворцом Макаров с женой, Луговая с мужем и под конец А. Н. Бенуа с женой, который недавно приехал из Парижа (без бороды!). Очень приятно было с ним беседовать; рассказывал про Дягилевские балеты, про Стравинского и проч.».

О том, насколько Глазунов любил и, благодаря своему искусствоведческому окружению, хорошо знал Гатчину, можно судить по следующему фрагменту из воспоминаний композитора Юрия Александровича Шапорина: «Однажды, летом 1928 года, я, по поручению Союза музыкальных и драматических писателей, председателем которого был А. К. Глазунов, направился к нему в Гатчину с деловой бумагой. Получив его подпись, я уже откланивался, чтобы уехать, но Глазунов вдруг удержал меня и попросил остаться вместе с ним пообедать. После обеда Глазунов спросил меня: “Вы хорошо знаете Гатчину?”. Я ответил, что в Гатчине я лишь второй раз, причем в первый был очень недолго.

— Разрешите быть Вашим чичероне.

Я поблагодарил Александра Константиновича и тут оказался свидетелем его несколько странных сборов. Он поставил ногу на стул и начал что-то прилаживать у щиколотки (выяснилось, что это был шагомер), потом он что-то долго прикреплял к своему жилету (оказалось, компас).

Вооруженный этими точными приборами, он предложил начать наш путь. Проходя мимо грота с многократным эхо, он своими “Ого-го!” проиллюстрировал мне его акустические свойства. Когда мы проходили мимо прудов, он обратил внимание на прозрачность их вод. Действительно, стоя на берегу, мы ясно видели проплывающие стайки форелей. Поднявшись к Гатчинскому дворцу (а по пути Глазунов очень интересно рассказывал мне подробности его сооружения, отмечал особенности архитектуры), он настолько увлекся ролью гида, что для разговоров о музыке у нас не осталось времени. Когда мы снова подошли к дворцу, уже с западной стороны, небо закрылось тучами. Нашим проводником стал компас, сверяясь с его стрелками, Александр Константинович показывал, как выстроен дворец в отношении стран света». Описываемый Шапориным эпизод (если память его не подвела) относится буквально к последним дням жизни Глазунова в России: 15 июня 1928 года он выехал в Вену для участия в Международном жюри конкурса, посвященного 100-летию со дня смерти Шуберта, и уже не вернулся. Так же, как за два года до того, летом 1926 года, навсегда покинул родину другой «гатчинец» — Бенуа.

Из воспоминаний помощницы по хозяйству и ученицы Глазунова Елены Павловны Никольской (20 мая 1960 г.): «Помню, одно лето Александр Константинович жил на даче в Гатчинском дворце. Он пригласил меня приехать к ним. И в один из летних солнечных и жарких дней я, наконец, решила поехать к Глазунову в гости в Гатчину. <...> Когда я подходила к калитке сада, то услышала голос Александра Константиновича. Он стоял около кустов шиповника, разговаривая с каким-то пожилым мужчиной и рассматривая их. Я вошла и тихо поздоровалась. Он повернулся и с доброй улыбкой поприветствовал меня, направляясь вместе к дому по аллее сада. За обедом А. К. сказал, что после пойдем осмотреть дворец, но так как Ольга Николаевна (экономка) любезно попросила меня сходить по хозяйственному делу, в чем я ей не могла отказать, осмотреть дворец мне так и не пришлось в связи с тем, что идти нужно было за полтора километра.

Все чаще я стала слышать разговор о выезде Александра Константиновича за границу, главная причина — желание Ольги Николаевны. Она убеждала его о необходимости лечиться от тучности. А. К. не хотел ехать, в беседе со мной говорил: «Пока жива моя мать, я никуда не выеду, а умирать-то я приеду на родину». Я молча слушала его с глубоким уважением.»

...Однако вернемся к воспоминаниям В. В. Добровольской. Описывая прощание Бенуа с семьей Макарова летом 1926 года (Бенуа покинул СССР, не вернувшись из зарубежной командировки), она сообщает: «А. Н. обнял и поцеловал меня, говоря, что, быть может, мы больше не увидимся... На следующий день все “гатчинцы” вышли на Балтийский вокзал к поезду, увозящему семейство Бенуа на Запад. Я передавала в вагон охапки роз».

Был ли Глазунов в тот день среди «гатчинцев»? Вероятно, мы этого уже не узнаем, так же как никогда не узнаем, о чем он думал, прощаясь с друзьями и коллегами, спустя два года, 15 июля 1928-го. «На Витебском вокзале, кроме меня, его провожали профессора — Оссовский, Налбандян, Житомирский, Малько, Гордон и около 15 студентов, поднесших большой букет из роз, левкоев и сирени» [4].

Использованная литература:

1. Гатчинская Правда. 10 августа 1965 года.
2. Мемуары Е. П. Никольской.
3. Материалы, предоставленные В. Б. Кузнецовым.
4. Некрасова Г. Размышления по поводу одной дарственной надписи // Музыкальная академия. 2002. № 4.
5. Тематические интернет-сайты.